
ПО ТУ
СТОРОНУ
АВГУСТА
АНАСТАСИЯ КОМОВА

Анастасия Комова

По ту сторону августа

«Автор»
2026

Комова А.

По ту сторону августа / А. Комова — «Автор», 2026

Случайно найденная фотография становится поводом для разговора у костра. Её хозяин рассказывает Йозил о Нинель — женщине, чьи письма когда-то изменили его жизнь. Он помнит, как ждал каждой новой записки, как представлял её лицо и мечтал наконец услышать голос. Помнит смешные мелочи, первые прикосновения и комнату старого дома, в которой они были счастливы.Йозил слушает, пока в кружках остывает чай. Ей хочется узнать, что случилось с Нинель и почему человек, так бережно хранивший её слова, принёс их к огню.

© Комова А., 2026
© Автор, 2026

Анастасия Комова
По ту сторону августа

Глава первая. Портрет

Утром дождь наконец закончился. С берёз ещё капало, но между стволами уже лежали узкие полосы солнца, и на одной из них я разложила выстиранные носки. Они сохли с такой важностью, будто от них зависели мои дальнейшие планы. Впрочем, отчасти так и было: отправляться в дорогу с мокрыми ногами мне за последнее время доводилось достаточно, чтобы теперь спокойно посидеть у огня лишний час и не повторять прошлых ошибок.Стоянка нашлась удачная. От тропы её отделял низкий кустарник, с другой стороны полянка спускалась к ручью, а над местом, которое я выбрала для сна нависали густые еловые лапы. Вчера я натянула между деревьями плащ, подложила под бок сухой хвои и уснула раньше, чем успела решить, куда пойду утром. Под присыпанными золой углями оставалось тепло; на рассвете я раздула их, поставила чайник и у плоского камня возле кострища заметила коричневый футляр. Он лежал в примятой траве, почти сливаясь с мокрыми листьями. На сгибе кожа протёрлась до светлой основы, а один край был аккуратно прошит зелёной ниткой. Внутри оказались очки с тонкими дужками.Я поглядела на своё вчерашнее ложе, потом на камень. Ночью возле огня кто-то сидел, в золе сохранились лёгкие серые завитки сожжённой бумаги; один, дрогнув от моего дыхания, рассыпался прежде, чем я успела рассмотреть проступавшие на нём буквы.Футляр я положила на сумку, а сама присела собрать сухие веточки, которые кто-то заботливо оставил под камнем и случайно заметила под листьями белый уголок. Фотография была небольшая, с потёртыми краями и неглубокой складкой поперёк. Я подняла её, стряхнула прилипшие травинки и поднесла поближе к глазам - на фотографии красовалась муравьиная задница.Муравей стоял на шершавой древесине, отвернувшись от человека с камерой. Его блестящее брюшко занимало добрую половину снимка; за тонкими лапками всё расплывалось в мягкие коричневые блики. Снимали близко и старательно. Даже теперь, когда краски поблекли, можно было различить крошечные волоски на задних ножках.— Ну что ж, — сказала я, поворачивая снимок к свету. — Бывает и такая память о счастливых днях...На обороте шла надпись с лёгким наклоном вправо: «Ты сама просила фото. Про лицо ничего не говорила =)».Я перечитала её и засмеялась. Нашедшийся рядом очечник теперь вызывал гораздо больше любопытства, человек, который носил с собой такую фотографию, заслуживал хотя бы знакомства.Пока я думала, какому именно стечению обстоятельств обязана этим приобретением, с тропы донёсся кашель. Затем над кустами показалась седая голова, а через несколько мгновений на поляну вышел старик.Он остановился у края примятой травы, оглядел камень и землю возле него. Пальто на нём было тёмное, длинное, застёгнутое до горла; из-под воротника выбивался серый шарф. Одной рукой он держал ремень потёртой сумки, другой придерживал мокрую ветку, которую пришлось отвести, чтобы пройти.— День добрый, — сказала я. — Если вы потеряли очки, то они нашлись, а если пришли за носками, то я пока не готова с ними расстаться.Он посмотрел на разложенные возле огня вещи, потом на меня. Морщины возле глаз чуть собрались.— Очки да. В коричневом футляре. Там сбоку зашито…— Зелёной ниткой, — закончила я и протянула ему находку. — Всё цело. Я проверила только, что внутри.Старик взял футляр, раскрыл, провёл большим пальцем по оправе. Движение было медленным, привычным; очки он осмотрел с обеих сторон и лишь потом убрал обратно.— Спасибо. Утром хватился, обыскал все карманы, решил, что здесь оставил. Я ночью у вашего огня посидел немного.— Догадалась. Добавили бы ещё дров — я бы решила, что вы благодетель.— Я немного подложил. С краю лежали сухие.— Тогда благодетель и есть. Садитесь, я вам чаю налью.Он замялся, глядя на камень.— Не помешаю?— Вы вчера устроились, пока я спала, а сегодня спрашиваете, не помешаете ли? Садитесь уже, я не кусаюсь. Только вот сюда,

на плащ, камень ещё сырой.Я сложила свободный край плаща в несколько раз и старик опустился на него осторожно, сначала опёршись ладонью о колено, потом нашёл ногами устойчивое положение и поставил сумку рядом. Было видно, что идти сюда ему пришлось долго.— Я тебя будить не хотел, деточка — сказал он. — Увидел угли, погрелся. Думал, уйду тихо. — Почти получилось. Очки подвели — улыбнулась я.— Снял, убрал в футляр, положил на колени. Потом встал, наверное, тогда и выронил.Я достала вторую кружку, сполоснула её горячей водой и налила чай. Пахнуло смородиновым листом и чуть-чуть дымом: крышка у чайника сидела криво, сколько я ни пыталась её выправить. Старик принял кружку обеими руками. На наружной стороне левой кисти белела неровная гладкая полоса; кожа возле мизинца стянулась складками. Он перехватил кружку правой рукой, а левую устроил под донышком, на рукаве. — Осторожно, горячая. Могу налить поменьше.— Ничего, я так подержу.Он прикрыл глаза, поднёс кружку к лицу и вдохнул пар. Я отломила хлеба, выложила на платок остаток сыра, потом нашла в сумке яблоко. У яблока оказался основательно помятый бок и его пришлось срезать ножом.— Это вам, — сказала я, протягивая большую половину. — А мне достанется та, над которой уже поработала жизнь.— Зачем же ты мне хорошую отдаёшь?— Потому что уже объявила вас благодетелем и хочу порадовать.Он тихо рассмеялся и взял яблоко.Некоторое время мы ели, слушая, как вода капает с еловых ветвей. Старик спросил, давно ли я в дороге и далеко ли собираюсь сегодня. Я ответила, что до вечера хотелось бы добраться хотя бы до сухого места, но сейчас мои носки располагают к более скромным намерениям. Он рассказал, что шёл со стороны посёлка, заночевал неподалёку, а после собирался выйти на большую дорогу.Имя пришлось спросить мне.— Андро, — ответил он. — А тебя как звать?— Йозил.Он повторил, прислушиваясь к звучанию, но переспрашивать не стал.— Хорошо, Йозил. Спасибо тебе за чай.Я кивнула и потянулась за фотографией, которую успела положить на сумку возле очечника.— Кстати, это тоже ваше? Нашла рядом, не удержалась, посмотрела.Андро взял снимок. Сначала держал его далеко от лица, потом вытащил очки и надел, поправив одну дужку за ухом. Большой палец прошёл по белой кайме, остановился у складки.— Надо же, — сказал он. — И это выпало.— Тоже ночью?— Из писем, должно быть. Она между листами лежала. Я думал, всё сжёг.Я оглянулась на кострище. Тонкая бумажная зола уже смешалась с древесной; ветер переместил её к обгоревшему полену.— Письма жгли?— Письма, — подтвердил он. — Столько лет таскал. Решил, хватит, оставлять их потом кому-нибудь не хотелось.Он положил фотографию себе на колено и пригладил ладонью, хотя складка давно сделалась частью бумаги, и долго смотрел на снимок.— Хорошая надпись, — сказала я наконец. — Я сначала решила, что это чей-нибудь ответ на требование прилично получаться на фотографиях.У него дрогнул уголок рта.— Нинель просила прислать, как я выгляжу, а я взял и отправил ей это.— Смело. Она ведь могла решить, что вы бунтарь!— Она написала примерно то же самое. Только подробнее. На целую страницу объяснила, почему с такого ракурса трудно оценить выражение глаз.Я снова засмеялась, и Андро поднял на меня взгляд. Несколько мгновений он смотрел внимательно, словно пытался что-то припомнить, потом опустил глаза к фотографии.— Настоящий портрет я тоже прислал, — добавил он. — На следующий день.— Чтобы не успела передумать?— Чтобы хоть понимала, с кем разговаривает.Я подвинула ему хлеб. Он отломил немного, но есть не стал.— Далеко вы друг от друга жили? — спросила я. — Если приходилось знакомиться по портретам.Андро снял очки, сложил и придержал в ладони. На этот раз футляр остался открытым.— В одном доме, — ответил он.Я посмотрела на него, ожидая продолжения. Андро провёл пальцем по дужке.— Даже комнату одну и ту же снимали. Только узнали об этом не сразу.— Вы работали в разное время? Она уходила, вы приходили?— Годы были разные.Он сказал это обыкновенно, без нажима, и я не сразу поняла, насколько буквально следует его понимать.За спиной у старика с ветки сорвалась тяжёлая капля. Упала на листья, потом ещё одна. Андро потянулся поставить кружку на землю, но я подложила плоскую деревяшку, чтобы она не перевернулась в траве.— Погодите, — сказала я, когда он устроил кружку. —

Вы жили в одном доме, в одной комнате, но в разные годы. И письма при этом доходили?— Доходили.— Кто их передавал?— Никто. Мы оставляли их в ящике шкафа.Я подождала, не последует ли улыбка, которая вернёт нас к шутке про муравья. Андро сидел, ссутулившись, и разглядывал собственные руки.В дороге мне попадались места, где привычные представления о расстоянии приходилось пересматривать прямо на ходу, однако до сих пор для этого требовалось хотя бы куда-нибудь пойти. С ящиком шкафа всё выглядело неприлично удобно, и мне хотелось понять, как они вообще обнаружили такой способ общения.— Вы по датам выяснили? — спросила я.Андро кивнул.— Потом. Сначала друг на друга сердились. Я думал, она надо мной смеётся.— А она?— Что я над ней.Я устроилась поудобнее и убрала ноги под край плаща. Желание отправляться в долгую дорогу заметно отступило. Ветер тянул от ручья, поэтому я подложила в огонь ещё одно полено и отодвинула чайник подальше от пламени.— Вы сейчас куда-то спешите? — спросила я. — Или можете рассказать с самого начала? А то у меня в голове пока муравей, шкаф и два очень сердитых жильца.— Это долго.— Чай ещё есть. Хлеба, правда, почти не осталось, но в крайнем случае можно размочить остатки сухарей.Он поглядел на протянутый мной мешочек и покачал головой. Улыбка получилась слабой, но удержалась.— Я половину тебе и так оставлю.— Тогда рассказывайте. Если устанете, прервёмся.Андро некоторое время молчал. Я занялась огнём, дала ему самому решить, хочет ли он продолжать. Нельзя было требовать историю в уплату за найденные очки; я уже ловила себя на том, что слишком пристально за ним наблюдаю. В конце концов старик мог просто погреться и уйти, но он положил футляр в карман, поднял кружку и заговорил:— Мне тогда тридцать четыре было. Я мебелью занимался. Старой, которую ещё имело смысл чинить. Столы, комоды, стулья… Иногда думал: если бы люди с самого начала не садились на них как попало и не ставили горячее на лак, я бы с голоду умер.— Удобно, когда чужая беспечность кормит.— Удобно, — согласился он. — Только иной раз всё равно жалко. Смотришь, вещь хорошая, сделана на совесть, а кто-нибудь вбил гвоздь поперёк резьбы, потому что ему полотенце некуда было повесить.Он говорил уже свободнее. Ладонь, лежавшая на колене, чуть шевельнулась, будто под ней была деревянная поверхность, которую требовалось ощупать.— Хозяйка того дома меня и позвала. У неё комнаты сдавались, а мебели было много, вся разная, часть ещё от родителей осталась. Договорились, что поживу у неё, понемногу приведу всё в порядок. Мне наверху комнату отвели, большую, светлую, с огромным шкафом и массивной кроватью, я там и работал, когда можно было без вони и пыли. Что посерьёзнее — вниз относил, в сарай.— А шкаф вы тоже туда унесли?— Куда там. Дубовый, тяжёлый. Разбирать целиком не хотел: с виду крепкий, только один угол разошёлся да ящик нижний заедал. Такой шкаф лучше на месте смотреть. Если без нужды растревожить, потом ещё полдня будешь вспоминать, как он сто лет простоял без тебя и ни на что не жаловался.Андро показал руками ширину дверей, развёл ладони, прикинул, поправил расстояние. Я представила тёмное дерево, высокий короб и человека, который опускается возле него на колени, подкладывая под инструменты старую газету.— Наверху за дверцами одежду держали, — продолжил он. — Внизу два ящика. В одном хозяйка бельё хранила, как раз в нижнем, его приходилось приподнимать слева, чтобы выдвинуть. Я разобрался, в чём дело, хотел на следующий день направляющую заменить. Написал хозяйке записку, чтобы его не дёргала туда-сюда, когда будет забирать свои вещи. Она считала, что любую вещь можно заставить работать, если посильнее потянуть.Он отпил чаю и помолчал, вспоминая.— «Лилия Серговна, нижний ящик пока не трогайте. Завтра займусь. Простыни из комода заберите». Примерно так. Имя своё поставил, записку сверху положил, на бельё, и задвинул.— Чтобы она обязательно нашла, когда всё-таки полезет?Андро взглянул на меня и усмехнулся.— Ты её не знала, а уже поняла. Я сам на обед ушёл, потом в сарае возился. Вернулся, хотел ещё размеры снять, открываю ящик, а там мой листок сложен вдвое. На обратной стороне написано.Он произнёс последние слова чуть тише, и я сама подалась ближе.— Что написано?— Что она не Лилия Серговна, и бельё в этом ящике её собственное.

А если я собираюсь приходить что-то чинить, надо сначала договориться, потому что у неё работа. Она переводила книгу, по утрам старалась сидеть над текстом и очень не любила, когда её отвлекают.— Нинель?Он кивнул. Произнося её имя, я почувствовала, как разговор изменился. До этого мы говорили о хозяйке, комнате, теперь у шкафа появилась вторая сторона, где женщина сидела над чужими творениями.— Она откуда взялась? — спросила я. — Вы уже знали, что хозяйка кому-то ещё сдала комнату?— Я сперва решил, что она в другой живёт. Письмецо хозяйке показал. Та плечами пожала: никакой Нинель у неё нет. На втором этаже ещё две комнаты заняты были, но там люди совсем другие. Я их с приезда знал.— И что вы ответили?— Написал, что шкаф чинить должен я и что комната моя. Постарался вежливо. Мне в голову не приходило, что кто-то способен перепутать и вещи, и комнату разом. Подумал, соседи пошутить решили.Андро потёр переносицу, на которой остались красноватые следы от очков.— Положил листок обратно. Вечером заглянул — ответ. Она просила объяснить, каким образом я попадаю в запертую комнату. И обещала поговорить с владельцем дома.Я вспомнила очечник в мокрой траве, сожжённую бумагу и собственную постель под еловыми лапами. Мне тоже не понравилось бы обнаружить следы чужого присутствия в запертой комнате, даже если бы незнакомец собирался всего лишь починить ящик.— А вы дверь запирали?— Когда уходил, да. Ключ при мне был. Я даже проверил, не оставил ли его где-нибудь. Потом сам ящик осмотрел, вынул, внутрь шкафа заглянул, по задней стенке простучал. Думал, может, кто-нибудь с обратной стороны достаёт.— Что было за шкафом?— Кирпичная стена. Да и за ней улица. Я наверху жил.Он помолчал и посмотрел на чайник. Я долила ему чаю, себе тоже; пока вода лилась, старик держал кружку неподвижно, дожидаясь, когда я отведу носик.— Я ей предложил встретиться, — сказал он. — Написал: давайте у калитки в шесть поговорим, а то мы с вами так весь дом разругаем. Она согласилась. Попросила только больше не входить в комнату, пока её нет.— Вы снова объяснили, что не входили?— Объяснил. Только на бумаге это плохо получалось. Если человек уверен, что ты врёшь, каждое объяснение выглядит ещё хуже, я решил, что при встрече разберёмся.Я представила, как он стоит у калитки, заранее придумывая спокойные слова. Пришлось напомнить себе, что в том саду ждал молодой мужчина с сильными руками и древесной пылью под ногтями. На женщину, занимавшую его ящик, он сердился вполне обоснованно.— Она не пришла? — спросила я.Андро покачал головой.— Я без пяти вышел. Минут сорок прождал, потом ещё немного по саду прошёлся. Камеру с собой взял, хотел после встречи до леса дойти, в конце концов сел возле забора. Там муравьи по столбу бегали, я одного долго ловил, чтобы резко получился.Я посмотрела на фотографию у его колена.— Этот?— Этот. Я за ним камерой водил, а он всё отворачивался. Под конец уселся спиной и замер. Пришлось снимать так.Андро посмотрел на фотографию, и я увидела в нём человека, который много лет назад придумал надпись на обороте.— Вернулся, — продолжил он, — написал Нинель, что ждал. Что если ей неудобно, можно было предупредить. И лёг спать. Неприятно мне стало, сам себя дураком чувствовал: стоял у калитки, на дом всё оглядывался.— А утром?— Утром получил целую страницу. Она тоже у калитки стояла. Пришла раньше шести, до семи ждала, потом ещё раз выходила посмотреть, не иду ли. Никого, говорит, не было.Андро погладил большим пальцем складку на фотографии и убрал руку. Солнце за это время успело переместиться; полоска света коснулась его ботинка, а развешанные мной носки высохли с одной стороны и всё ещё темнели с другой. Я перевернула их, подложила в огонь ветку и снова села напротив.— Калитку вы одинаково описывали? — спросила я. — Ну, вдруг выходов два?— Одну и ту же. И дом тот же, и комната, и шкаф. Она даже написала, какой угол у него разошёлся. А я этот угол ещё с приезда собирался стянуть.Он говорил, глядя на мои руки, которыми я обхватила кружку. Потом поднял глаза.— Я вчера её письмо перечитывал. Помню, там в конце было: «Меня зовут Нинель. Я не знаю, чего вы добиваетесь, но мне и без того не по себе. Если вам что-то нужно, напишите прямо».Я провела пальцем по тёплому ободку. Теперь в этой истории мне хотелось разобраться гораздо сильнее, чем когда

я держала найденный снимок над травой. Я думала о запертой комнате, о незнакомом почерке среди собственных вещей и о том, как сердито, должно быть, Нинель писала это письмо, надеясь наконец прекратить чужую шутку.Андро допил чай. Я взяла у него кружку и спросила, что он написал ей в ответ. Он поблагодарил, устроил руки на коленях и начал вспоминать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.